

СЕМЕН
ГУДЗЕНКО

Мы не от старости умрем...
стихотворения

МОСКВА

СЕМЕН
ГУДЗЕНКО

Мы не от старости умрем...
стихотворения

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г93

Гудзенко, Семён.

Г93

Мы не от старости умрём... Стихотворения / Семён Гудзенко. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Собрание больших поэтов. Стихи о войне).

В своих стихах Семён Гудзенко, будучи участником Великой Отечественной войны, через призму личных переживаний смог запечатлеть страшную трагедию... Его поэзия — лирический манифест, обращённый к человеческому сердцу. Рисуя мир солдатской жизни, где страшные и героические моменты сплетаются воедино, поэт создаёт образ целого поколения, мужественно защищавшего свою родину. Стихи Гудзенко важны как историческое свидетельство и напоминание нам о вере в особые ценности, позволяющей преодолеть любые трудности.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-210703-0

© С. Гудзенко. Наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты —
неразлучны они
даже с мёртвым солдатом.

Ты подумай о нём,
молодом и весёлом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.

У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.

...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.

Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло — чистоту
сына

трудного века.

*23 июля 1943,
Сталинград*

И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий.

А потом

глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей

я кровь чужую.

1942

* * *

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.

И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.

У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за правдивые стихи.

И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесённая, одна,
суровая моя и откровенная,
далёкая провинция — Война...

ПУТЬ

*Студентам ИФЛИ,
однополчанам*

Наш путь, как Млечный, —
раскалён и долог.

Мы начали в июне, на заре.
В пыли с тавром готическим осколок,
в мешке на двое суток сухарей.
Тяжёлый шаг, как будто пыль дороги
колотят стопудовым колуном.
Я не грустил о доме и пороге,
с любимой не прощался под луной.
Мы были юны. И мужская дружба
ценилась нами выше всяких благ.
Мы говорили: «Что нам в жизни нужно?
Устать в дороге, воду пить из фляг».
Мы с детства не боялись расставанья.
Мальчишки, окаянной кистеня,
мы полюбили холод расстояний
на оголтелых волжских пристанях.

И с колыбели родина Россия
была для нас свободой и судьбой.
Мы ширь степей в сердцах своих носили
и на заре пошли за это в бой.
Был путь, как Млечный, —
раскалён и долог.

Упрямо выл над соснами металл.
Обветренный, прокуренный филолог
военную науку постигал.
Он становился старше и спокойней
и чаще письма матери писал.
Мы говорили: «Отбушуют войны.
Мы по-другому взглянем в небеса.
Сильней полюбим и сильней подружим.
Наш путь, как Млечный, вечно раскалён.
Нам дня не жить без битвы и оружия,
и будет порох словом заменён».

Май 1942

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

*Действующая армия,
1943–1944*

МОГИЛА ПИЛОТА

Осколки голубого сплава

Валяются в сухом песке.

Здесь всё:

и боевая слава

И струйка крови на виске...

Из боя выходила рота,

Мы шли на отдых, в тишину

И над могилою пилота

Почувствовали всю войну.

Всю.

От окопов и до тыла,

Ревущую, как ястребок.

И отдых сделался постылым

И неудобным городок.

Мы умираем очень просто,

По нас оркестры не звенят.

Пусть так у взорванного моста

Найдут товарищи меня.

* * *

На снегу белизны госпитальной
умирал военврач, умирал военврач.
Ты не плачь о нём, девушка,
в городе дальнем,
о своём ненаглядном, о милом не плачь.

Наклонились над ним два сапёра
с бинтами,
и шершавые руки коснулись плеча.
Только птицы кричат в тишине
за холмами.
Только двое живых над убитым молчат.

Это он их лечил в полевом медсанбате,
по ночам приходил, говорил о тебе,
о военной судьбе, о соседней палате
и опять о весёлой военной судьбе.

